

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА АЗИЮ*

Фрэнсис Фукуяма

Новое руководство

Одной из ключевых задач второй администрации Джорджа Буша-младшего является разработка надлежащей архитектуры безопасности в Восточной Азии. США стоят перед рядом проблем, требующих безотлагательного решения, в том числе таких, как тупиковая ситуация вокруг северокорейской ядерной программы, напряженность в отношениях между Китаем и Тайванем и террор исламистов в Юго-Восточной Азии. Но дальновидная внешняя политика не просто позволяет справляться с кризисами. Ее задача: создать институты, формирующие среду, в которой предстоит делать будущий политический выбор. В наследство от начального этапа холодной войны Восточной Азии достались несколько альянсов. Эти партнерские отношения по-прежнему важны как средство обеспечения предсказуемости ситуации и сдерживания. Но сегодня, через пятнадцать лет после падения Берлинской стены, все более очевидно, что они не согласуются с политикой, проводимой в настоящее время.

Белый дом имеет возможность заложить для Восточной Азии основы долговременной институциональной системы. В краткосрочной перспективе США могут добиться этого, превратив шестисторонние переговоры по Северной Корее в пятисторонний диалог: созданная на этом фундаменте постоянная организация будет проводить регулярные встречи для обсуждения различных вопросов региональной безопасности, не связанных с ядерной угрозой Пхеньяна. В долгосрочной перспективе Вашингтону придется задуматься о том, как связать этот диалог с различными многосторонними экономическими форумами, ныне действующими либо находящимися на стадии рассмотрения, такими, как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), или группа «АСЕАН + 3» (учрежденная сразу же после азиатского экономического кризиса и включившая в себя также Китай, Японию и Южную Корею), или же развивающиеся зоны свободной торговли. Применяемый в Азии многосторонний подход явится важнейшим фактором не только согласованного развития быстро растущих экономик региона, но и смягчения националистических настроений, зреющих за фасадом каждой азиатской страны.

---

* Статья перепечатана из журнала «Россия в глобальной политике», Т. 3, № 1, январь-февраль, 2005.

Связи старые и новые

В отличие от Европы Азии недостает сильных многосторонних политических институтов. В Европе есть Европейский союз (ЕС) и НАТО, а также различные объединения, такие, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Совет Европы. В Азии им соответствуют только АСЕАН, Региональный форум АСЕАН по вопросам безопасности и форум Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), причем все это гораздо более слабые организации. В АСЕАН не входят ни Китай, ни другие крупные игроки Северо-Восточной Азии, а АТЭС — не более чем консультативный орган. Безопасность в Азии обеспечивается не благодаря многосторонним договоренностям, а за счет отдельных двусторонних отношений с участием Вашингтона, прежде всего американо-японского Договора безопасности и связки США — Южная Корея.

Такое различие между Европой и Азией обусловлено историческими особенностями. Европейские страны объединены сходными культурными корнями и общим историческим опытом XX века; их связь настолько крепка, что они уступают важные элементы государственного суверенитета Европейскому союзу. В Азии, напротив, уровень взаимного недоверия среди основных игроков намного выше. Их подозрения частично объясняются изменениями баланса сил, при которых Китай вытесняет Японию с лидерских позиций, но в первую очередь тем, что до сих пор сохраняется память о войне на Тихом океане. После 1945 года и Германия, и Япония должны были убедить соседей в том, что им они больше не несут никакой угрозы. С этой целью новая Западная Германия отказалась от суверенитета в пользу ряда многосторонних организаций, а Япония передала свой суверенитет в сфере безопасности Соединенным Штатам. Таким образом, сотрудничество в области безопасности в Азии представляет собой механизм наподобие колеса со спицами, причем в центре этого колеса - Вашингтон, которому отводится главная роль посредника и гаранта равновесия сил.

Данные двусторонние связи по-прежнему имеют ключевое значение, особенно это касается американо-японских отношений. Ядерные гарантии со стороны США и дислоцированный в Японии американский контингент служат для остальных стран региона доказательством того, что Япония не предпримет крупных шагов по перевооружению. Но эта оставшаяся со времен холодной войны система сдержек и противовесов в сфере безопасности распадается по мере того, как новые поколения приходят к власти и сталкиваются с изменениями в политической обстановке.

Первая проблема связана с взаимоотношениями США и Южной Кореи. Благодаря тому, что у власти в последнее десятилетие находились представляющие левое крыло президенты Ким Дэ Чжун и Но Му Хён, выросло новое поколение корейцев, стремящихся не к

конфронтации, а к примирению с Северной Кореей. Большая часть южнокорейской молодежи полагает сегодня, что США создают более серьезную угрозу их безопасности, нежели режим Ким Чен Ира. Это странное восприятие базируется на вопиющих заблуждениях. Диктаторский режим в Северной Корее — один из самых бесчеловечных и опасных в истории, но администрация Буша приняла неверное решение в начале первого срока, подорвав проводившуюся Ким Дэ Чжунгом «политику солнечного тепла», которая была направлена на примирение с Северной Кореей, и тем самым, спровоцировав бунт целого поколения южнокорейской молодежи против представлений времен холодной войны. Ответное чувство благодарности, которое испытывают к США жители Южной Кореи, пережившие войну с Севером, попросту незнакомо молодому поколению, выросшему, подобно юным немцам, в мире и достатке.

Внешне альянс США и Южной Кореи по-прежнему выглядит прочным: нынешний кабинет Но Му Хёна попытался продемонстрировать приверженность добрым отношениям с Америкой, отправив в Ирак свои воинские подразделения. Непонимание, тем не менее, может легко возникнуть, а впоследствии и разрастись по спирали в условиях, когда корейцы осуждают США за излишне враждебное отношение к Пхеньяну, а Вашингтон реагирует на то, что считает неблагодарностью со стороны Южной Кореи. Всецело занятые борьбой с терроризмом и проблемой Ближнего Востока, Соединенные Штаты уже вывели свои войска из демилитаризованной зоны между двумя Кореями и планируют сокращение воинского контингента в регионе.

Отношения между США и Японией также меняются в направлении, вызывающем сильное беспокойство у остальных стран Азии. Подстегиваемый ядерной угрозой со стороны Пхеньяна, Токио пересматривает свое отношение к необходимости создания более мощных сил обороны. Отправка миротворцев в Ирак и недавние конфликты с северо-корейскими военно-морскими силами свидетельствуют о том, что Япония, по выражению лидера оппозиции Итиро Одзава, стремится вести себя как «нормальная страна». В Японии зреет консенсус относительно того, что статью 9 послевоенной Конституции, в соответствии с которой страна не может начинать войну и иметь собственные вооруженные силы, следует изменить, даже если на это уйдет несколько лет. Хотя сегодня политические связи между Вашингтоном и Токио прочнее, чем когда-либо за многие годы, покровительственные, зависимые отношения периода холодной войны будут превращаться в альянс равноправных партнеров.

К новой позиции, которую Япония может занять на мировой арене, надо отнестись благожелательно. На самом деле США подталкивали Токио к такой новой роли начиная с

последнего десятилетия холодной войны. Это, в общем-то, неправильно, что третья из крупнейших экономик мира по-прежнему зависит от Вашингтона в военном и психологическом отношении. Но остальные азиатские страны, особенно Китай и обе Кореи, серьезно страдавшие от действий Японии на протяжении первой половины XX века, предпочитают, чтобы та оставалась слабой в военном отношении. Они не обрадуются появлению более сильного и более независимого соседа. Хотя пересмотр статьи 9 не приведет к тому, что Япония станет представлять собой угрозу региону, это не обязательно должно успокоить некогда пострадавшие от нее страны. Поэтому перевооружение Японии следует осуществлять тактично и медленными темпами, поддерживая активные открытые контакты между Токио и правительствами других стран Азии.

Существует также проблема Китая. Государство с самой быстрорастущей (к тому же с одной из крупнейших) в мире экономикой и по сей день не участвует в большинстве пактов или альянсов безопасности, являясь лишь членом глобальных организаций, таких, как ООН и Всемирная торговая организация (ВТО). Но эта относительная изоляция, скорее всего, вряд ли будет длиться вечно. В последние годы Пекин предложил множество новых многосторонних экономических договоренностей для стран Азии, которые в конечном итоге также могли бы послужить целям безопасности. Планы Китая включали два соглашения с АСЕАН («АСЕАН + 1» и «АСЕАН + 3» с участием Японии и Северной Кореи), а также формирование зон свободной торговли: Китай — АСЕАН и восточноазиатской. Пекин, очевидно, использует свое лидерство для создания такого положения, при котором его статус на международной политической арене соответствовал бы его растущей экономической мощи. Япония, почувствовав геэкономическую угрозу, инициировала в ответ собственные торговые соглашения, в частности о создании японо-сингапурской зоны свободной торговли, вопрос о которой находится в стадии обсуждения на переговорах с премьер-министром Дзюньитиро Коидзуми.

Китай всегда был для Вашингтона большой головоломкой. С государствами подобного типа Америке труднее всего иметь дело: Китай нельзя однозначно назвать ни врагом, ни другом; для Соединенных Штатов он одновременно и стратегическая угроза, и ключевой торговый и инвестиционный партнер. В результате — неровные партнерские отношения прагматичного сотрудничества, периодически нарушаемые кризисными ситуациями, такими, как нанесенный американцами бомбовый удар по китайскому посольству в Белграде в 1999 году и вынужденная посадка в Китае американского самолета-разведчика в 2001-м. Будущее этих отношений зависит от того, в каком направлении станет развиваться политика Пекина: решит ли Китай спровоцировать военный конфликт по поводу Тайваня и ис-

пользовать свое могущество для установления гегемонии в Азии или же будет превращаться во все более плюралистическое общество, в котором необходимость поддерживать добрые отношения с соседями диктуется экономическими интересами.

Пока США могут выбрать один из двух подходов: либо попытаться изолировать Пекин и мобилизовать остальные страны региона для создания коалиции по сдерживанию растущей мощи Китая, либо же попытаться предоставить ему членство в ряде международных институтов, имеющих целью направить китайские амбиции в определенное русло и вовлечь Китай в сотрудничество.

Но идея изоляции Пекина, несмотря на ее популярность в консервативных кругах Америки, неосуществима. Даже если бы США каким-то образом удалось узнать, что Китай представляет собой стратегическую угрозу, равную той, что в свое время исходила от Советского Союза, ни один из союзников Вашингтона не согласился бы вступить в антикитайскую коалицию когда-либо в обозримом будущем. Япония, Южная Корея, Австралия и страны - члены АСЕАН связаны с Китаем сложными отношениями, подразумевающими различные уровни сотрудничества и противостояния; при отсутствии открытой агрессии со стороны Пекина никто из них не захочет рисковать этими связями.

Что же касается интеграции Китая в существующие глобальные институты, то она приносит плоды уже сегодня. В 2001 году, когда встал вопрос о вступлении Китая в ВТО, некоторые утверждали, что его членство только подорвет позиции организации, нарушая ее правила. Но сегодня очевидно: вступление Китая в ВТО укрепило власть закона в стране, поскольку предоставило китайским реформаторам возможность осуществить внутренние перемены. Эти трансформации, в любом случае отвечавшие интересам самого Китая, включают замену традиционных отношений в бизнесе, построенных на коррупции и кумовстве, новой системой — более прозрачной и открытой. Как отметили Эван Медейрос и Тейлор Фрейвел (американские политологи. — *Ред.*), в последние 10 лет Китай из оскорбленной жертвы западного империализма превращается во все более ответственного члена мирового сообщества.

Необходимость многосторонней системы

Азии необходимо разработать новую систему многосторонних организаций, которые работали бы параллельно с уже существующими двусторонними. Со временем новые организации смогут взять на себя многие функции двусторонних соглашений. Но эта новая многосторонняя система не сможет возникнуть без активной поддержки США, и поэтому конструктивная переоценка отношений со странами Азии должна стать одной из основных

приоритетных задач Джорджа Буша на протяжении второго срока его президентства.

Вашингтон, несомненно, извлекает некоторую выгоду из нынешней системы двусторонних альянсов, строящихся вокруг США. Америка получает уникальную санкцию на военное и политическое присутствие в регионе и обеспечивает себе сильные позиции для того, чтобы предотвращать появление враждебных коалиций. Вашингтон также зачастую действует в качестве «ретранслятора» идей и планов по безопасности, передаваемых из одной азиатской столицы в другую, и это предоставляет США рычаги для их реализации.

Этим доводам противостоит простой, но действенный аргумент в пользу продвижения многосторонней системы. На фоне окончания холодной войны и продолжающегося экономического развития Восточной Азии соотношение сил изменилось таким образом, что на волю вырвались националистические страсти и соперничество. Непонимание и конфликты между Южной Кореей, Японией и Китаем весьма вероятны в грядущие годы, однако степень этой опасности уменьшится, если использовать возможные каналы для международного диалога.

Несколько инцидентов в последнее время привели к тому, что на поверхность вышли скрытые трения. Несмотря на быстро развивающуюся торговлю между Китаем и Южной Кореей, в их отношениях недавно возникла напряженность. Это произошло, когда китайские ученые, финансируемые Пекином, предположили, что древнее государство Когурё, простиравшееся две тысячи лет назад вдоль нынешней китайско-северокорейской границы, некогда находилось под властью Китая. Чтобы сгладить последовавшую за этим конфронтацию, понадобился всеобъемлющий договор из пяти пунктов, подписанный министрами иностранных дел обеих стран. Неясно, что подвигло Пекин разрешить публикацию подобной статьи, но, возможно, это связано с ростом национализма в Китае и звучащими в Сеуле рассуждениями о создании «великой Кореи», включающей не только жителей Северной и Южной Кореи, но и более двух миллионов этнических корейцев, проживающих ныне в Маньчжурии.

В то же время растущая взаимозависимость Китая и Японии в экономической сфере не только не смягчила, но и, напротив, еще сильнее разожгла националистические страсти. В ходе одного из матчей Кубка Азии по футболу в Пекине в августе 2004 года китайские болельщики скандировали «Смерть! Смерть! Смерть!» по адресу победившей японской команды, вынудив ее спешно покинуть Китай. Этому случаю предшествовало еще несколько безобразных и, очевидно, стихийных проявлений антияпонских настроений и гнева из-за того, что 300 японских бизнесменов воспользовались услугами женского «эскорта» на юге Китая.

Растущее беспокойство по поводу безопасности угрожает японско-южнокорейским отношениям и способно спровоцировать гонку вооружений. Десять лет назад, когда я занимался исследованиями в Токио, мне доводилось слышать от нескольких офицеров Сил самообороны Японии, что в случае воссоединения Кореи объединенные вооруженные силы обеих стран примерно в десять раз превысят численность японских. Если, утверждали они, на этом этапе не будет осуществлено резкое сокращение личного состава объединенной корейской армии, Японии придется принять соответствующие оборонительные меры. Мало того, что эта опасность по-прежнему сохраняется — сегодня существует и дополнительный фактор: ядерное оружие Пхеньяна и то, как им могла бы распорядиться единая Корея. Согласно недавнему опросу, проведенному газетой «Токио синбун», 83 из 724 депутатов японского парламента публично заявили, что в свете северокорейской угрозы Японии следует рассмотреть вопрос ее превращения в ядерную державу. Подобные высказывания были невозможны еще несколько лет назад.

Нельзя утверждать, что Азия готова соскользнуть в пропасть националистической истерии, но возможность опасного недопонимания явно налицо. Создание многосторонней структуры сыграло бы важную роль, предоставив ведущим державам Северо-Восточной Азии площадку для прямого общения друг с другом. НАТО с ее регулярным расписанием совещаний на уровне министров выполняет ту же функцию в Европе на протяжении уже нескольких десятилетий. Министры обороны излагают свои планы расходов и рассказывают о структуре вооруженных сил, а министры иностранных дел разъясняют политические шаги своих стран. Если правительства Китая и обеих Корей испытывают беспокойство в связи с перевооружением Японии или если японские и китайские руководители озабочены намерениями Кореи в случае ее объединения, многосторонний форум даст им возможность развеять опасения и четко сформулировать свои ожидания.

Неожиданный поворот

Позиция США в отношении многосторонних моделей в Азии переменчива и противоречива. США спонсировали такие институты, как Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) и АТЭС. Но когда в 1989 году премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад попытался бросить вызов Азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, предложив создать Восточноазиатский экономический совет, не включающий Соединенные Штаты, Вашингтон решительно отверг его план, как схему, направленную на недопущение «белых» держав в азиатский клуб. В начале 1990-х администрация Клинтона продвигала неформальный Диалог о сотрудничестве в Северо-Восточной Азии между странами,

участвующими сегодня в шестисторонних переговорах. Этот диалог продолжается и по сей день, но он так и не получил официальный статус.

Значительное число последних предложений, связанных с созданием многосторонних институтов в Восточной Азии, фокусируются на экономических проблемах, порожденных финансовым кризисом 1997—98 годов. По мнению многих стран Восточной Азии, Америка и такие находящиеся под ее влиянием международные организации, как Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк, использовали кризис для продвижения в Азии прорыночной повестки дня. Когда в 1999 году Япония предложила создать Азиатский МВФ, Вашингтон без промедления отверг эту идею, не предложив взамен никакой другой структуры, которая могла бы сыграть роль институционального координирующего механизма, способного смягчить будущий кризис. В результате странам региона приходится самостоятельно формировать многосторонние организации. В их число входят Чиангмайская инициатива, позволяющая центральным банкам 13 стран обмениваться резервами в случае спекулятивной атаки, и группа «АСЕАН + 3». До сих пор США либо игнорировали эти процессы, либо не проявляли к ним заинтересованности.

По иронии судьбы, однако, Вашингтон неожиданно для себя оказался вовлечен в новую азиатскую многостороннюю структуру - это продолжающиеся в данный момент шестисторонние переговоры по проблеме корейской безопасности и ядерных вооружений с участием США, Северной и Южной Кореи, Японии, Китая и России. Вашингтон принял эту схему, когда после провала Рамочного соглашения 1994 года Пхеньян настаивал на прямом диалоге с американцами относительно будущего своих ядерных программ. Вашингтонские лидеры, верно усмотрев в этом попытку отделить Америку от ее союзницы Южной Кореи, добивались проведения многосторонних переговоров. Со временем появился еще один важный мотив: только Китай обладал достаточными экономическими рычагами для того, чтобы усадить Северную Корею за стол переговоров. И действительно, Пекин, сократив на короткое время поставки электроэнергии в эту страну, вынудил Пхеньян согласиться на шестисторонний формат.

Шестисторонняя структура безопасности, неожиданно появившаяся в северо-восточной Азии, — прекрасная возможность для нововведений в институциональной сфере. Когда (и если) минует нынешний кризис вокруг северокорейской ядерной программы, постоянная организация пяти держав может послужить прямым каналом связи между Китаем, Японией, Южной Кореей, Россией и США. Эта новая группа представляла бы собой не военный альянс наподобие НАТО, а нечто схожее с ОБСЕ — крупнейшей с ее 55 странами-членами региональной организацией в сфере общей безопасности, и взяла бы на себя ряд

второстепенных вопросов безопасности.

Группа пяти

Форум пяти держав может оказаться особенно полезным для решения ряда прогнозируемых проблем. Первая из них — неожиданный коллапс северокорейского режима. В краткосрочной перспективе его падение вызовет огромные трудности: понадобится координация предоставления помощи, работа с беженцами, финансирование восстановления страны и сдерживание любого насилия, способного возникнуть на этой почве. В долгосрочной перспективе произойдет перетасовка политической колоды в Северо-Восточной Азии: сойдут на нет факторы, скрепляющие альянс США — Южная Корея, и по уже указанным выше причинам между объединенной Кореей, Японией и Китаем могут возникнуть трения, которые легче было бы сгладить в рамках уже существующей многосторонней структуры.

Еще одна проблема — перевооружение Японии. Япония не станет пересматривать статью 9 ни в этом году, ни в следующем, но дело явно идет к переменам. Хотя перевооружение не должно представлять опасность для Китая и Кореи, у них будет немало стимулов для преувеличения новой угрозы: в частности, Китай использует антияпонские настроения для того, чтобы продвигать укрепляющие коммунистический режим идеи национализма. Германия, которая перевооружилась и пошла тем же путем в направлении «нормальности», не представляла собой столь серьезной угрозы, поскольку ограничила свой суверенитет посредством вступления в ряд международных организаций, таких, как НАТО, ЕС и ООН. В случае же с Японией ее возврат к нормальному состоянию покажется гораздо менее опасным, если будет проходить в рамках региональной организации по безопасности и продолжающихся двусторонних отношений с США. Но значение новой группы этим не ограничится. Обладающая полноценным ядерным оружием Северная Корея, угроза гонки вооружений в Азии, последствия военной модернизации Китая — это лишь некоторые из потенциальных проблем, решением которых могла бы заняться организация пяти держав.

В то же время подобный постоянный форум — не самое подходящее средство для решения других важных задач. Он не поможет в сдерживании китайской угрозы в отношении Тайваня, хотя, вероятно, явится площадкой для обсуждения путей разрешения кризиса в Тайваньском проливе. Точно так же организация пяти держав не сможет прямо влиять на проблемы безопасности в Юго-Восточной Азии. Удастся ли ей однажды добиться этого за счет расширения числа членов — вопрос будущего.

Практических препятствий для превращения нынешних шестисторонних перегово-

ров в постоянную структуру будет предостаточно. Для начала американские сторонники жесткой линии немедленно возразят, что шестисторонний формат уже показал свою неэффективность: после трех раундов встреч в августе 2003-го, а также в феврале и июне 2004-го переговоры, по всей видимости, зашли в тупик. И действительно, Северная Корея воспользовалась первой встречей, чтобы заявить о своем намерении испытать ядерное оружие, и она по большей части поддразнивала США, которые пытались остановить ее ядерную программу. Вашингтон надеялся, что многосторонний подход позволит изолировать Северную Корею, но Пхеньяну удалось нанести удар по противнику его же оружием и заручиться поддержкой Китая и Южной Кореи, чтобы добиться более мягкой линии по отношению к себе. Учитывая этот опыт и двойственное отношение Китая к северокорейской угрозе, стоит ли переводить данный формат на постоянную основу?

Ответ таков: Соединенным Штатам нужны союзники (это же соображение, прежде всего, дало жизнь и шестисторонним переговорам). Политики, воинственно настроенные по отношению к Корее, кажется, считают, что, когда будут исчерпаны дипломатические средства, Вашингтон сможет прибегнуть к угрозе применения силы и вынудить Пхеньян отказаться от своих намерений. Даже «ястребы» готовы признать, что военное решение проблемы в настоящее время невозможно, и сохраняется надежда на то, что США удастся вызвать смену режима в Северной Корее другими, невоенными способами: ввести жесткое одностороннее эмбарго, что предотвратит распространение ядерных материалов и усилит давление на Пхеньян, или запугиванием вынудить Китай и Южную Корею проводить совместно с США более конфронтационную политику.

Но сам по себе Вашингтон не имеет достаточно рычагов, чтобы реализовать любую из этих стратегий. В одиночку Америка не сможет заставить Северную Корею отказаться от ее ядерной программы или уговорить Пекин и Сеул вступить в альянс против Пхеньяна, учитывая политический настрой их населения. Нынешние многосторонние переговоры, несмотря на их ограниченность, остаются для США наилучшим вариантом. Сторонники жесткой линии в администрации Буша приступили к переговорам, будучи убеждены в том, что ни одно принятое в их результате решение не сработает (ведь не сработало же Рамочное соглашение 1994 года!), и потому даже не пытались наметить новое реалистичное соглашение. Возможно, если Белому дому удастся осуществить такие шаги в течение второго срока президентства Джорджа Буша, в изоляции окажется уже не Вашингтон, а Пхеньян.

Вторым крупным препятствием для создания постоянной организации пяти держав является сама Северная Корея, которая с ее отношением к правам человека и опытом в

сфере безопасности не вписывается ни в одно из сообществ ответственных государств. Излишняя поспешность на пути к превращению узконаправленных шестисторонних переговоров в постоянную организацию пяти держав может подорвать нынешний диалог и подтолкнуть Северную Корею к обструкционизму на всех фронтах. Задача состоит в том, чтобы изолировать Пхеньян в рамках шестисторонней структуры, одновременно добившись благосклонного восприятия остальными пятью странами перспективы длительной совместной работы. Отказ Северной Кореи вернуться за стол переговоров может даже предоставить возможность для проведения пятисторонней встречи без участия Пхеньяна. Чтобы усилить давление на Пхеньян, Вашингтон должен следовать этой стратегии, помимо достижения более значительных целей. Не исключено, что в итоге США смогут предложить другим пяти странам новые темы для обсуждения.

Если каким-то образом удастся осуществить переход к постоянной пятисторонней структуре, появится необходимость обратиться и к иным вопросам. Следует ли расширить организацию за счет других стран региона — к примеру, за счет каких-либо членов АСЕАН либо таких государств, как Индия, Новая Зеландия или Австралия? Необходима ли формальная связь между новой группой и Региональным форумом АСЕАН, или целесообразнее рассматривать варианты включения в группу отдельных членов этой ассоциации?

Наконец, существует вопрос: каким образом форум безопасности пяти или более стран будет соотноситься с многосторонними экономическими группами в Азии, уже формирующимися или предлагаемыми, такими, как Чиангмайская инициатива или «АСЕАН + 3»? Нужно ли Соединенным Штатам поддерживать экономическую интеграцию в регионе, даже если у них нет места за столом переговоров (как было в случае с американской поддержкой Европейского союза)? Или же Вашингтон должен рассматривать многостороннюю экономику как угрозу и стремиться ослабить эти инициативы в пользу глобальных организаций, таких, как бреттон-вудские институты или ВТО?

Нравится это Америке или нет, у стран Восточной Азии есть мощный стимул для расширения официального многостороннего экономического сотрудничества: глобальные организации, к примеру МВФ, не пользуются доверием в регионе, как полностью зависящие от воли США и невосприимчивые к азиатским проблемам. Вашингтону было бы выгоднее поддерживать и направлять развитие этих организаций извне, нежели ставить им палки в колеса. США могут закрепить свою официальную роль в Восточной Азии, поддерживая ее систему двусторонних альянсов и работая над созданием новой многосторонней организации безопасности. В конечном счете, отношения Вашингтона с азиатскими многосторонними организациями оказались бы такими же, как и его отношения с Европейским

союзом и НАТО: с первым Америка имеет дело, действуя извне, со второй — изнутри. Каковы бы ни были новые многосторонние организации в Азии, им никогда не достичь мощи и сплоченности своих европейских аналогов, но Соединенным Штатам следует рассматривать их как средство на случай возможного распада нынешней двусторонней системы безопасности.

Выбраться из ямы

Последняя и, возможно, самая важная причина пересмотра подхода администрации Буша к азиатской дипломатии в равной степени связана как с положением Соединенных Штатов в мире, так и с их статусом в Восточной Азии. Война в Ираке привела к беспрецедентной изоляции Вашингтона и убедила значительную часть мира, что не исламский терроризм, а сама Америка является величайшей угрозой для глобальной безопасности.

Чтобы выбраться из этой ямы, Вашингтону пора выработать конструктивный подход к проблеме легитимности и к вопросу о международных организациях. Принимая во внимание, что США уже продемонстрировали пренебрежительное отношение к ООН и отказались от участия в Международном уголовном суде и Киотском протоколе, сегодня Америке придется задуматься о таких альтернативах международному сотрудничеству, которые в большей степени отвечают ее интересам. Соединенным Штатам целесообразнее поддержать ряд многосторонних организаций, которые действуют в одном и том же русле и время от времени соперничают друг с другом, чем положить все яйца в одну корзину, такую, к примеру, как ООН. Постоянная организация пяти держав в Восточной Азии помогла бы заложить фундамент нового порядка в этом регионе - маленький кирпичик большой многосторонней системы.

В последние месяцы идея превращения шестисторонних переговоров в постоянную организацию все чаще обсуждается в вашингтонских политических кругах. Но она не осуществится, если президент Джордж Буш не возьмет инициативу на себя. Второй президентский срок для Буша и его администрации предоставляет им неожиданную возможность пересмотреть архитектуру долгосрочной американской политики. Статус единственной сверхдержавы подразумевает некую степень ответственности за глобальное общественное благо. Это означает не только применение жесткой военной силы против государств-изгоев, но и формирование международной обстановки с учетом новых политических запросов в будущем. США приняли этот вызов после Второй мировой войны; им предстоит сделать то же самое и в «постсентябрьском» мире.

**«Крупномасштабный конфликт в Азии вероятнее,
чем где бы то ни было»**

В Азии мы увидим все основные тенденции, которые будут формировать мир в течение последующих 15 лет. Северо-восточная и юго-восточная части Азии пойдут разными путями: первая станет богаче и сильнее, тогда как последняя или хотя бы некоторые из стран региона будут отставать экономически и столкнутся с серьезными этническими и религиозными конфликтами. Азиатский Юг отчасти станет для регионального Севера источником транснациональных угроз - терроризма и организованной преступности. Водоразделом в первую очередь будет отличие немусульманской Северо-Восточной Азии, адаптирующейся к процессу глобализации, от Юго-Восточной Азии, где исламский фундаментализм стремительно пустит корни в таких странах, как Индонезия, Малайзия и частично Филиппины. Уход инвестиционных потоков в Китай и Индию также может подстегнуть движение стран Юго-Восточной Азии к созданию к 2020 году единого экономического сообщества и рынка.

Опасность возникновения крупномасштабного межгосударственного конфликта в Азии останется выше, чем в других регионах мира. До 2020-го весьма вероятны конфликты на Корейском полуострове или в Тайваньском проливе, несущие с собой риск глобальных последствий. В то же время в странах Юго-Восточной Азии может подняться волна насилия - в форме сепаратистских движений и терроризма. Впрочем, на западных границах Китая также возможны вооруженные столкновения с сепаратистами.

К 2020 году существенно изменятся роли и качество взаимодействия ведущих держав региона - Китая, Японии и США. Соединенные Штаты и Китай серьезно настроены на то, чтобы избежать конфронтации, однако рост китайского национализма и опасения Америки по поводу вероятной стратегической гонки способны привести их взаимоотношения к крайнему антагонизму. Характер отношений Японии с США и Китаем будет зависеть от роста влияния Китая и возможного варианта решения корейской проблемы.

...Вероятность того, что в ближайшие 15 лет конфликт великих держав перерастет в тотальную войну, ниже, чем в прошлые столетия. Кроме того, растущая зависимость от глобальных финансовых и торговых связей будет все больше сдерживать возможность такого конфликта. Однако это не исключает ее полностью. Отсутствие эффективных механизмов разрешения конфликтов в некоторых регионах, рост национализма в отдельных странах и «свежие раны» ряда ключевых проблем увеличивают риск совершить просчет.

Хотя военная конфронтация между Китаем и Тайванем расстроит планы Пекина получить признание в качестве ведущей региональной и глобальной державы, ее возмож-

ность нельзя сбрасывать со счетов. Провозглашение Тайванем независимости может заставить Пекин предпринять действия, которых он в иной ситуации предпочел бы избежать. Рост военной силы Китая, дающий ему тотальное превосходство над Тайванем, повышает вероятность военного конфликта.

Индия и Пакистан, похоже, понимают вероятную цену, которую им придется заплатить в случае конфликта. Однако националистические чувства сильны и вряд ли ослабнут. При определенном сценарии развития событий Исламабад способен применить ядерное оружие, чтобы отразить массированное наступление индийских войск, особенно принимая во внимание относительно небольшую площадь Пакистана и отсутствие стратегического резерва территории».